

Анна Кавкаева

Солнечные дни

16+

Анна Алексеевна Кавкаева

Солнечные дни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30480704

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-2308-3

Аннотация

Дюжина рассказов составляет собой единое произведение. Это цикл, в котором все элементы неразрывно связаны и являются частями целого. "Убийца", "Труп", "Маньяк" и "Пятница, 13" объединены героями. "Марена", "Хмель", "Вор" – местом действия. Кроме того, восемь рассказов образуют семантические пары: "Марена" – "Сирена", "Двойник" – "Зеркало", "Вампир" – "Вор", "Хмель" – "Сон". Рассказы посвящены одной теме: никогда нельзя сдаваться и ставить на себе крест. Необходимо менять своё "здесь и сейчас" вместо того, чтобы жить в плену иллюзий, в своём выдуманном мире. Ведь пока человек жив, всё ещё возможно.

Содержание

Убийца	5
Труп	25
Марена	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Все события и персонажи вымышлены, любые совпадения случайны

Убийца

Этот день я запомню надолго. Не могу сказать, что на всю жизнь, но нервы он мне потрепал изрядно. День, когда я стал убийцей. Однако начну по порядку, о том, кто я такой и как я дошёл до жизни такой.

Меня зовут Фёдор. Полностью – Фёдор Михалыч, хотя сейчас уже мало кто помнит, как звали Достоевского. Мне двадцать пять лет. Высшее образование, не военнообязанный, живу один в областном центре, каких много в Центральном федеральном округе нашей Родины. Родители мои живут в посёлке одного из районов той самой области. Я закончил институт, поэтому пять лет жил в общежитиях и чёрт знает где. О жилплощадах нашего города я, кажется, знаю всё. Тружусь в одной из контор, тяну сети для кабельного телевидения.

Я работаю полный день и живу в приличной квартире. Хотя как приличной – одна комната – двадцать метров, холодная вода, ванны нет, «спальный» район города, который заканчивается лесным массивом и парковой зоной. И это всё за три штуки в месяц. Неплохо. Да и много ли мне надо. Наш район вообще славится тем, что в нём дешёвое съёмное жильё, много коммунальных квартир, в которых проживает уйма разного народа.

Наша улица почти вся состоит из двухэтажных камен-

ных домов, тех самых, без ванн, с деревянными перекрытиями, между которыми набивали всякую хрень. А как говорил наш историк, царствие ему небесное, самое постоянное в нашей жизни – это временные трудности. И вот эти временные трудности до сих пор не снесены, и в них ещё живут. Наш двухэтажный дом красного цвета чем-то напоминает старинный особняк с трещинами на стенах. Как дом Ашероу к концу повествования Эдгара Алана По. В нём всего восемь квартир на два этажа, но в наше время мало кто знает ближайших соседей: как их зовут и кем они работают.

Так вот с этих неизвестных соседей всё и началось. Живу я, значит, себе, клею новые дешёвые шпалерные обои, вешаю новую алюминиевую гардину со шпоном светлого дерева, покупаю новый диван в коричнево-бежевую клетку, в общем, никого не трогаю, починая примус. И прожив здесь несколько месяцев, я встретил её – соседку со второго этажа. Точнее, она меня встретила. Как говорят, ищите женщину. Всё было хорошо, пока в дело не вмешалась женщина.

Однажды около шести вечера я вошёл в подъезд, нашарил в заднем кармане джинсов ключ и стал открывать свою дверь, когда услышал: «А у вас вся спина белая». Было первое апреля. Я обернулся. Теперь я с уверенностью могу сказать, что тогда она не первый раз видела меня. Она следила. Она искала повод познакомиться.

Передо мной стояла низенькая девушка с короткими ножками и фигурой бочонка. Хотя об этом я мог догадаться и по

её детскому голосу. Ей было лет двадцать. Ни она сама, ни её блондинистые волосы, изначально чёрные, не произвели на меня никакого, даже отрицательного впечатления.

Она была одета в чёрную, будто засаленную куртку, тёмно-синие джинсы и невнятные чёрные сапоги. На плече висела, естественно, чёрная сумка. Будто нет других цветов. Это мне сразу не понравилось. Её лицо также напоминало детское, как и голос. Маленькие глазки, маленький носик, ротик.

В общем, я повернулся к своей двери. Даже не стал реагировать на древнюю как Суздаль шутку. Она нерешительно сделала шаг по направлению к моей двери, но я с негодованием захлопнул её. Остаток вечера я провёл, помогая Айзеку Кларку сражаться с экипажем космического корабля «Ишимура», заражённым какой-то дрянью.

1 апреля

Эту трудную неделю я хотела вычеркнуть из своей жизни, к счастью, не получилось. На английском писали интересные слова. Потом я пошла домой, захожу в подъезд, смотрю: тот парень стоит у своей двери. Я стою, думаю говорить или нет. Думаю: «Ты же потом всю жизнь жалеть будешь, такой шанс». Ну, я сказала там чего-то. Хрень какую-то. Ну так мало побазарили. Я пока ничего не узнала. Ну, ничего, лиха беда начало. Ира офигела, когда я ей сказала. Сейчас слушаю альбом Носкова «Дышу тишиной». Упиваюсь. Такой класс!

Через день у неё кончились спички, и она пришла ко мне. Около семи раздался звонок в дверь – я мог поставить пятьсот рублей и выиграть – на пороге в той же тёмной куртке и тёмных штанах стояла она.

– Я ваша соседка, – сказала она, – меня зовут Юля.

– Фёдор, – нехотя произнёс я.

Я сразу про себя назвал её Тимошенкой. Не знаю, почему.

– У вас не будет спичек? – сказала она, пытаясь улыбаться. Я машинально сунул руку в боковой карман спортивных домашних штанов с лампасами и протянул ей коробок. Я курю. По три-четыре сигареты в день, но постоянно. Поняв мой жест, она сказала:

– Да, вы знаете, это вы курите? Дело в том, что мы с подругой живём над вами, мы учимся в университете и снимаем там. И дым из вашего туалета поднимается к нам, – она говорила всё это, улыбаясь, кокетничая и пытаясь как-то разговорить меня, что бросалось в глаза и уже начинало действовать на нервы, – мне всё равно, – продолжала она, заглядывая мне за спину, – но вот моя подруга не выносит дым. Не знаю, что делать.

– Я подумаю, что можно сделать, – сказал я, мысленно представив, как я выхожу курить на улицу или в подъезд, как какой-то лысый тип всё время ходит туда в полосатом халате и в сланцах, – может, ей нужен противогаз?

Она засмеялась. Но эти звуки были не милые и не журча-

щие, а скорее напоминали смех из кабака.

– Ладно, если что обращайтесь, пока,– она медленно повернулась и пошла к лестнице. Я не стал её удерживать.

3 апреля

Ира сказала, что нужно под каким-нибудь предлогом пойти к нему. А у нас спички закончились. Я хотела пойти купить. Ира мне сказала «Ты чё, иди давай!». Ну так побазарили круто. Я узнала, что его зовут Фёдором. Класс. Ира сказала дурацкое имя. Думаю, хорошо бы выйти замуж за Ф. Класс был бы, но этого не будет. Договорились с Ирой идти на концерт. А я опоздала. Она меня убьёт.

Несколько дней она не давала о себе знать. Но тут я сам совершил непроходимую глупость. В пятницу один мой знакомый – Серёга по прозвищу Хвост – прикольный пацан с еврейской внешностью – праздновал День рождения. Вышло всё не очень. Начать хотя бы с того, что планировались шашлыки на даче. Было холодно, но таких синеботов, как мы, это никогда не останавливало.

Для сугрева предлагалась какая-то красноватая жидкость, пахнувшая спиртом и вишнёвыми косточками, гордо называемая хозяином дачи – коньяк. Он потом рассказывал, что к нему на работу пришла женщина и предложила этот «коньяк» по семьсот рублей за пять литров. Многие купили. Но на деле мы пили какую-то бормотуху, к которой на закуску

шло мясо. Либо подгорелое, либо недожаренное. В прочем и оно достаточно быстро подошло к концу.

Но дело не в этом. В эту компанию синеботов непонятно каким ветром занесло райскую птицу, тропическую бабочку с поэтическим именем Марина. Она опоздала, поэтому, когда все уже приняли на грудь, вдруг неожиданно открылась дверь, и вошло нежное, милое создание с глазами цвета майского неба, с очаровательным курносом носиком и чудесными рыжими волосами. Они-то меня и сбили с толку. Обожаю такие волосы. И губы. Такие красивые, что мне сразу захотелось их поцеловать.

Голубая куртка облегла фигуру, подчёркивая достоинства. Синие джинсы – не слишком тёмные, но и не слишком светлые, обтягивали стройные ножки. Я узнал, что она пришла с Максом – это такой здоровый кабанчик: рост 190 сантиметров, вес 100 килограммов, с кудрявыми волосами и кольцом в левом ухе, – но не как его девушка, а просто так. И что у неё вроде никого нет. «Да, брюнетки и блондинки бывают одиноки, – подумалось мне, – и рыжие, как пламя, и звонкие, как льдинки»[1]. В общем, что я только ни делал. Даже танцевал под Пресли. Но она уехала с тем же Максом на такси.

Мы же с Хвостом, естественно в не совсем трезвом, а точнее в совсем нетрезвом виде поехали на его старом «Москвиче» отвозить домой двух девчонок. Как они выглядели, я не обратил внимания. Несколько человек остались на даче.

Мы вырулили от домика и поехали прямо по улице, где ходил рейсовый транспорт.

Мы ехали медленно, и всё было бы нормально, если бы мы не полезли на большую улицу, идущую перпендикулярно Вишнёвой. Но так как одной бабце было нужно на вторую улицу Достоевского, то мы повернули на улицу Правды и сразу нарвались на ментов. Хвост струхнул и резко затормозил, чем сразу вызвал подозрение. Девчонки ушли.

У Хвоста отобрали права. Вызвали эвакуатор, чтобы и машину забрать, но Серёга отдал им все деньги, подаренные на День рождения. Тогда добрые дядечки посоветовали нам снять колесо. Как раз начался сильный дождь, и мы вдвоём с Серёгой все мокрые и в грязи откручивали это дурацкое колесо.

Приехавший эвакуатор без колеса нас не забрал, оформили штраф пятьсот рублей за ложный вызов и уехали. Потом мы кое-как нацепили колесо обратно. Добрые дядечки посоветовали нам не попасться на глаза ещё одному патрулю. Да, хороши бы мы были – на машине, в пьяном виде и без прав.

Дома я оказался только к утру, сразу лёг спать. Проснулся я часа в три. У меня болело всё: голова, горло, ноги, руки и ещё почему-то живот и зуб. Начался кашель и насморк. Я не мог соображать и просто тупо глядел в потолок. Около пяти часов я еле встал и пополз на второй этаж. Это была ошибка.

Юля сама открыла мне дверь. Я сказал, что мне нужна её помощь, перечислил, что у меня болит, дал ей триста рублей

и попросил ещё купить еды и пива – «коньяк» не давал забыть о себе. Со смешанным чувством радости и сострадания она согласилась.

Я спустился к себе, а через час она принесла лекарства, еду, пиво и книжку Агаты Кристи. Видимо, именно в этот момент бочонок на ножках решил, что я Евгений Онегин и Григорий Печорин в одном лице, герой нашего времени и её романа. Она сидела со мной несколько часов. Я тупо лежал на диване и не издавал даже звука. Но ей и этого было достаточно. Потом она ушла, видимо, считая, что завтра я сам к ней приду.

6 апреля

Ф. вчера понадобилась моя помощь. Ура! Я так рада! Значит, я ему нужна! У меня с утра какое-то напряжение. Мы с Иррой переписываемся на лекциях. Думаю, возможно, я люблю Ф. Не знаю, в любом случае я не могу сидеть спокойно и всё время верчусь. Скоро, наверное, самовоспламенюсь и сгорю. М-да. От радости кидалась с объятиями на Иру. Ужас. Вчера был день группы, но мы с Иррой не знали, что он не обломился, и не ходили. Кстати, за радостью наступило спокойствие и умиротворение. Ещё Стасик сказал, что жалко нас не было, и хотел сегодня день группы ещё сделать, но, ясное дело, не получилось. А Ира считает, что, может, Ф. меня использует и всё. Мне захотелось сказать на все отзывы Иры не особо хорошие: «А ты его глаза видела?» Его глаза

такие большие, голубые, ясные (может, мне показалось). В них можно утонуть. Возможно, он на меня смотрел. Вроде бы.

Однако, оклемавшись к вечеру в воскресенье, я напрочь забыл о ней. Я узнал у Макса номер телефона Марины, позвонил ей и пригласил выпить пива. Она сказала, что работает до семи. И без пяти семь я был возле торгового центра «Звёздный», где она была продавцом-консультантом в элитном магазине парфюмерии.

Я зашёл за ней в магазин под пренебрежительными взглядами таких же элитных продавщиц, даже отложивших свои золотистые коробочки. Но она сказала, что работает до восьми. Я стал ждать. Благо в «Звёздном» в компьютерном магазине трудился мой бывший одноклассник Лёха Селиванов, невысокий, толстый, но проворный парень, похожий как на хомячка, так и на директора оптовой базы.

Через час я подошёл к заветной двери в мир изысканных ароматов, из которой выпорхнула тропическая бабочка и со словами: «Я опаздываю!» полетела к выходу. Я немного опешил и потерял дар речи. Через стеклянную дверь торгового центра я видел, как она, закуривая на ходу тонкую сигарету, направляется к автобусной остановке. «А ведь счастливые женщины не курят», – подумал я. Видимо, по телефону она спутала меня с кем-то другим. Мне хотелось за волосы дотащить её до остановки по всей этой грязи.

Я вернулся к Лёхе и поведал ему, что мне кранты. Он не смог меня так оставить, и мы поехали к нему – в двухэтажный дом почти как у меня, но деревянный и без воды. Взяли пять литров пива, два пачкипельменей и полночи обсуждали женщин, часто вспоминая чью-то фразу: «О, женщины, вам имя вероломство»[2].

Лёха сказал, что всё время так бывает, что одна не против, но ты не хочешь, а другая не хочет, а ты ещё как. Выпив за то, чтобы всё это совпадало, мы не очень громко врубили песню «Highway Star» группы «Deep Purple». Это наша любимая. Ни одна «Ария» такого не сделает. Вроде семьдесят пятый год, а такая забойная вещь. Молодцы парни. Классика рока. Это музыка на все времена, её и наш президент уважает. Мы как следует поколбасились под неё и легли спать. Надеюсь, бабушка, а Лёха жил с бабушкой, на нас не обиделась.

На другой день работать было тяжело. Я еле-еле отбарабанил и припёрся домой. Только я лёг спать, раздался звонок в дверь. Естественно это была Юля, которая сказала, что волнуется, где это я был, что у меня всю ночь не было света. Я сказал, что я очень хочу спать, и закрыл дверь. Может, я поступил по-хамски, но я сделал то, что сделал. Во всяком случае, я никого не обманывал.

8 апреля

Мне всю ночь снилось, что Ф. ходил ко мне в гости. Нервничаю. Боюсь, что что-нибудь сорвётся, что всё будет против

меня. Я всего лишь человек. Я в это верю! Об Ф. что-то вообще не думается. Не хочется думать, а хочется действовать. Опять воскресенье тянулось как резина. Я боюсь, что он будет знать, где я живу, но сознательно не зайдёт. Ужас. Но не будем о грустном. Я храбрилась долго, но всё же позвонила в дверь. Он сказал, что хочет спать. И всё. Почему я не могу сказать всё начистоту?

Где-то неделю о Тимошенке не было ни слуху, ни духу. За это время я успел сходить с парнями в бильярд, хотя я его и не люблю, проторчать там до двух часов ночи, потратить все деньги и был вынужден идти домой пешком – не люблю занимать. Дома я оказался в четвёртом часу и порадовался, что Тимошенка больше не придёт. Зря.

Она объявилась, да ещё как. Видимо всю неделю раздумывала. Она позвонила в мою дверь в субботу 13го апреля и попросила войти в прихожую:

– Мне нужно с тобой серьёзно поговорить, – начала она и, не дождавшись согласия, продолжила, – как ты ко мне относишься?

– В смысле как? – Спросил я. – Больше ничего в голову не пришло.

– Ну, как: хорошо, плохо? – Она испытующе смотрела на меня.

– Хорошо, – ответил я, – но не так, как бы тебе хотелось. По-дружески.

– И это никогда не изменится? Может быть, в будущем?–

С надеждой спросила она.

– Нет,– отрезал я,– не может быть.

Я заметил, что у неё на глаза навернулись слёзы, она втянула голову в плечи и вышла. Я запер дверь. Я сказал правду. Я никого не обманывал. Я был рад, что теперь она от меня отстанет.

13 апреля

Ну правильно – Ф. не дорос ещё. Не созрел. А я наоборот. Вот и всё. Мне просто не надо первой испытывать чувства. Ира сказала, что он ещё дитё, что это вообще детский сад. А я нет, я-то нормальная. Всё равно с Ф. была утопия. Я рада, что все точки расставлены. Всё чаще и чаще хочется, чтобы меня оставили в покое. Я поняла, что я одна, что мне никто не нужен, второго такого человека, как я, нет. Я никому не верю, ничего не боюсь и ничего не прошу. Рановато, конечно, разочаровываться, но уж как есть. Ира говорит, что надо ему отомстить. Нельзя это так оставлять типа. Не знаю.

На другой день, в воскресенье, 14го, я встал часов в десять. За окном светило солнце, стоял прямо-таки левитановский март. Не хватало только лошади. Хотя на самом деле был апрель. Я поставил чайник, насыпал в свою любимую жёлтую чашку две ложки напитка, состоящего из молодых кофейных зёрен и ячменя. Порадовался тому, что нако-

нец-то вышло солнышко.

Но не тут-то было. Раздался звонок в дверь. Это была Тимошенка. Она смотрела на меня как-то зло, была явно чем-то озабочена, держала в руке какую-то газету.

– Где ты был пятого, седьмого и одиннадцатого апреля между двумя и четырьмя часами ночи? Ответь мне, – гневно спросила она, – я не уйду, пока ты не скажешь.

– Успокойтесь, девушка, – сказал я, – я не обязан отчитываться. В чём дело?

– Сначала ответь, – она перешла на повышенные тона, – где ты был? Если не скажешь, то ты убийца.

Она почти кричала, зыря на меня глазами.

– Зайди в комнату, сядь, – спокойно сказал я. Вчера мы уже объяснились, и я не боялся, что она неправильно меня поймёт. Она вошла с таким видом, будто у неё за пазухой спрятан пулемёт Дегтярёва и, если что, она будет отстреливаться. Я сходил на кухню, принёс чайник, налил кипятка в свою жёлтую кружку. Насыпал кофейного напитка и в другую кружку, белую. Залил кипятком.

– Пей и успокойся, – сказал я, пододвигая к ней дымящуюся чашку.

Удобно держать в комнате маленький столик. Она упорно молчала.

– Так, – снова сказал я, – ничего не пьём в доме врага как Эдмон Дантес!?! Она стояла, сложив руки на груди, и пристально смотрела на меня. Я отхлебнул из чашки, пожалел,

что нет колбасы и сказал: «Давай так: я скажу, где я был, а ты сядешь и прекратишь валять дурака».

– Да, – коротко ответила она и села на краешек дивана, по-прежнему скрестив руки на груди.

– Пятого я ходил на днюху. Подожди, а ночью – значит уже шестого? Она утвердительно кивнула.

– Ну да, а после праздника у нас с другом были дела. Седьмого – уже восьмого – я был у друга, он может подтвердить. А одиннадцатого я вообще полночи домой добирался. Пешком как дурак! А из-за чего весь сыр-бор?

Настал её черёд: «Ага, во-первых, какие это тёмные делишки вы с другом проворачивали на ночь глядя; во-вторых, седьмого у друга – тоже липа, может, он спал, а ты вышел; а в третьем случае я вообще молчу. Вот на тебя всё и указывает».

Она высвободила руки и оперлась ими о диван, выгнув спину. Мне уже это начало надоедать. Не надо было вообще впускать эту полоумную.

– Не тяни кота за ... хвост.

– Вот смотри, – она протянула мне газету, – хотя нет, я сама прочитаю.

«Ряд загадочных происшествий был замечен за последние две недели в областном центре. Пятого апреля на перекрёстке улиц Толстого и Дзержинского был найден труп собаки. Из неофициальных проверенных источников нам сообщили,

что у животного было перегрызено горло, а затем вскрыта черепная коробка и выгрызен мозг.

Известно, что существует медицинское заключение, подписанное известным в нашем городе ветеринарным врачом, в котором изложены все подробности смерти. Указано и время с двух до четырёх часов пополуночи. Однако этот документ тщательно скрывается правоохранительными органами.

Ситуация повторилась седьмого и одиннадцатого апреля. Есть заключения о кошке и собаке, загрызенных между двумя и четырьмя часами ночи, найденных на Тихой и Продольной улицах областного центра. Снова выгрызен мозг. По нашему городу прокатилась волна жестоких убийств животных.

Правоохранительные органы способны лишь замалчивать факты. Нас некому защитить. Кто это: маньяк-зоофил, сатанист или бешеная собака? Где гарантии, что это существо не переключится на людей? Милиция бездействует. Свидетелей преступлений нет. По-видимому, в нашу жизнь вмешались инфернальные силы. Кто остановит их?»

Пока она несла эту околесицу, я допил кофе, встал, прошёлся по комнате и встал напротив неё, засунув руки в карманы.

– Здесь есть фотографии, – заявила она и повернула газету ко мне, держа её на вытянутых руках.

Я присмотрелся: снимки некачественные. Плохо видно. Собака. Вроде кошка. Не понятно, что изображено.

– Бред сивой кобылы. Обычная дешёвая сенсация провинциальной жёлтой газетёнки. Как называется?

– Статья «Зооманьяк» в газете «Вечерний регион» от сегодняшнего числа,– произнесла она, недоуменно глядя на меня. Видимо, не ожидала такой спокойной реакции.

– Иди домой, детка,– попросил я, вынимая руки из карманов,– это не я. Как и всем известный турецкоподданный Остап Ибрагимович Бендер, я чту уголовный кодекс. И библейские заповеди.

– Я пойду в милицию и скажу им,– постепенно повышая голос, заявила она, вставая с дивана,– там разберутся.

– О, о!– удивился я,– в твоей же статье написано, что милиция ничего не может сделать.

– Ну и что,– ответила она, вплотную подходя ко мне,– пусть проверят, где ты был в это время. Так тебе и надо. Ты странный. И поведение у тебя странное. Ночью где-то бродишь. Ты никого не любишь. Ты ещё попрыгаешь. Это тебе так не пройдёт,– почти кричала она.

Она стояла передо мной, сжав кулаки. Низенькая, визжащая она была похожа на маленькую собачку, которая глядела на меня снизу вверх и лаяла. Думаю, в этот момент она бы дорого дала за то, чтобы стать одного роста со мной и смотреть мне прямо в глаза.

– О, о!– Мне стало ясно.– Это женская месть. От любви

до ненависти один шаг, да?

Я опять засунул руки в карманы и начал ходить по комнате.

– Я никого не люблю? Я ненормальный? Я не люблю тебя! – Резко произнёс я, делая ударение на последнем слове.

– И я такой же, как все. Ты достойна любви, как и все люди, но не моей, и не такими методами.

Я собрал всю волю в кулак. Я ходил по комнате взад и вперед, потом взял сигарету и молча вышел в туалет. Когда я вернулся, увидел, что входная дверь приоткрыта, заглянул в комнату – там никого не было, запер дверь, обитую тёмно-коричневым дерматином.

На следующий день меня ждал сюрприз. Неприятный.

Утром я решил пораньше выйти работу и, проходя мимо своего окна на первом этаже, обнаружил надпись, сделанную прямо под ним белой краской на красной стене: «УБИЙЦА». Я вернулся. Я взял банку с белой краской – осталась от подновления батареи – взял кисть и вышел во двор.

Быстро закрасив слово, я думал, что можно сделать с этим белым цветом. Ничего не придумав, я отнёс банку домой и поднялся на второй этаж. Позвонил в дверь. Естественно никто не открыл. Я нажал на кнопку звонка ещё. Я трезвонил так, будто за мной гналось несколько сотен чертей, и попаду ли я в эту квартиру – вопрос жизни и смерти. Я начал колотить в дверь. Я шумел на весь дом.

Дверь открылась. Сначала я даже не поверил своим гла-

зам – это была неслыханная удача. Передо мной стояла сама Юля и смотрела на меня снизу вверх глазами, полными смешанного чувства страха и торжества. Она попыталась улыбнуться, но, увидев зверское, полное какой-то озлобленной решимости, выражение моего лица, осеклась.

Я толкнул её в квартиру, схватил за плечи и начал трясти. От неожиданности она даже не попыталась сопротивляться. Я тряс её и говорил, шипя и выплёвывая слова: «Ты-ы, не смей меня задевать. Брось эти глупые, детские выходки. Я сам заявлю на тебя за хулиганство, – и тут Остапа понесло, – я перегрызу тебе горло и выгрызу твой маленький мозг, поняла, дура?». Она в испуге закивала. Я оставил её и ушёл. Последнее всё-таки было лишним.

В тот день я опоздал на работу на двадцать пять минут. Мой начальник Борис Морозов, пузатенький, уже лысеющий мужчина тридцати пяти лет, много мнивший из себя, наорал на меня: «Что вы себе позволяете?». Я тоже на него наорал: «Да пошёл ты вместе со своей дебильной конторой!».

Меня уволили очень быстро. Это была коммерческая структура, и законы Трудового кодекса Российской Федерации здесь не соблюдались. К тому же эта работа уже начала меня доставать: накопилось много претензий к руководству. Уже тогда я знал, что надо делать.

Я пошёл домой, позвонил отцу. Его зовут Михаил Сергеевич, а многие ещё помнят, как звали Горбачёва. Я сказал, что мне надо срочно уехать и что я всё объясню позднее, и

попросил его рассчитаться с хозяйкой за последний месяц и вывезти к себе в посёлок мои вещи – самые крупные. Он меня понял и ни о чём не спрашивал.

Затем я позвонил дяде – «мой дядя самых честных правил»[3] – Ивану Сергеевичу, а как звали Тургенева, вообще никто не знает, разве что школьная учительница. Я сказал ему, что моя комната освобождается и попросил передать моим двоюродным братьям и сестре, что они могут договориться с хозяйкой и жить там, вроде, кому-то из них это было нужно. Он поблагодарил меня и тоже не стал ни о чём спрашивать. У меня очень умные родственники.

Остаток дня и ночь прошли весьма плодотворно: многое надо было успеть сделать. Ко всему прочему я снял с карты двадцать тысяч – часть денег, отложенных на светлый день, да, именно на светлый – на день, когда я решу жениться на любимой женщине, или когда любимая женщина родит мне ребёнка. Я спал всего несколько часов.

Ровно в восемь утра я закрыл дверь на ключ, спрятал его в условленном месте, вышел из дома и направился к автобусной остановке. У меня в голове всё это время крутились слова: «Районы, кварталы, жилые массивы – Я ухожу, ухожу красиво»[4]. Доехав до автовокзала, я взял билет на 9.30. на Москву до Щёлковского вокзала.

Мой приятель, с которым мы вместе учились в ВУЗе, давно звал меня к себе. Он сам жил там вот уже два года и работал монтажником-высотником. В Москве мне нужно бы-

ло ещё пересаживаться на электричку. Я и мой лучший друг mp3-плеер сели в автобус, и в 9.33. он благополучно отправился. Путь мой лежал в город с поэтическим, как писала одна популярная современная писательница, названием Электросталь.

Труп

- Включи свет!
- Ты чё, ё..., дурак что ли?
- Дура, включи свет, б...
- Ты чё? Ё... Тихо.
- Темно, как у негра в ж... Включи.
- Тихо, на х...
- Ты, б..., дура.

Я в буквально запрыгал от счастья. Ещё бы! Когда я пришел сегодня с работы, батя сказал мне, что освободилась квартира моего брата. И всего за три тысячи. Я тут же созвонился с хозяевами и договорился. Мой двоюродный брат Федя неожиданно свалил в Москву. Хорошо, хоть сообщил об этом. Да, Федька – он такой. Ничего не боится. Берёт и уезжает. Молодец.

А я, наоборот, стремлюсь к осёдлости. У меня есть девушка – Света. Мы встречаемся с ней уже почти год. Наша свадьба предположительно назначена на август. Я хочу создать своё семейное гнёздышко, в которое приятно будет приходить, где меня всегда будут ждать и кормить. И любить.

Честно говоря, я не уверен в том, что Светка меня любит, хотя она говорит обратное. Она молодая, ещё студентка, а мне уже 27. Но я решил попробовать. Конечно, она бы-

ла безумно рада предстоящей свадьбе, сразу рассказала всем подружкам, если не каждый день, то через день ходила смотреть платья в самом шикарном магазине нашего города. Даже узнала телефон фирмы по заказу лимузинов. Не знаю, зачем.

Но сначала нужно было снять квартиру и потихоньку её подготавливать, ведь с организацией свадебных торжеств хлопот и так будет много. Тем более я вообще не хотел расставаться со своей Светкой. Мы много гуляли, ходили в кино, театры, на выставки, встречались с друзьями и мало бывали вдвоём.

Квартиры, которые мне попадались, стоили безумно дорого – 5500 плюс коммунальные. Я, конечно, зарабатываю больше десяти тысяч, но такая плата – это слишком. На еду не хватит. Поэтому я сразу согласился на условия съёма Фединой квартиры, хотя она и была в отдалённом районе и без ванны. Это можно пережить, подумал я, и, позвонив Светке, назначил ей встречу в сквере «У птичек», где в центре круга со скамейками – клумба, а в её центре две каменные птицы с пышными хвостами.

– Саша! – Света уже сидела на лавочке и замахала мне, когда я подошёл. Несмотря на изменчивую погоду апреля, она была без шапки, в лёгком шифоновом шарфике и тонком пальто, естественно, в кроткой юбке и на высоких каблуках.

– Привет, – сказал я, подходя.

Я сел и обнял Свету за талию.

– Ну, так что за сюрприз, – улыбаясь, весело спросила она, – что за новость у тебя? Я сегодня снова смотрела платья в магазине «Фея», мне там одно понравилось больше всех, такое красивое – расшитое пайетками, украшенное стразами и кружевами. Корсет – обалдеть. Тридцать пять тысяч! Но за такое не жалко отдать! Ну, что ты хочешь сказать?

Я немного обалдел от цены этого платья, но решил, что, когда она будет его мерить, скажу, что оно её полнит.

– У меня отличная новость, нам в руки плывёт отличная квартира, главное её достоинство, дорогая, в том, что она недорогая, – улыбнулся я игре слов.

– Да? – Света вопросительно посмотрела на меня, – а где она, в центре? Мне не терпится посмотреть.

Света широко улыбалась.

– Не совсем, – мягко возразил я.

Света перестала улыбаться.

– Как!? Это же не удобно! Я не могу жить без центра! Гулять по центру! Ты не мог снять что-нибудь другое?

– Там рядом есть парк. Можно гулять по парку, – взяв её за руку, сказал я.

Лично я уже представлял, как я пылесосу ковер, а Света жарит картошку, потом мы идём гулять в тот самый парк, радуясь, что из него вернёмся в свой общий дом, выбираем микроволновку, устраиваем романтические ужины, как я иду с работы к себе домой, покупаю мороженое для нас.

– Ну... Сколько стоит? – Произнесла Света после некото-

рой паузы.

– Три, – ответил я.

– Три? У тебя нет денег снять подороже?

– Света, но нам надо много всего купить, там ничего нет.

Диван нам дядя Миша оставил. Он новый, но он Федин, всё равно придётся отдать. Старый холодильник, стол или два стола, табуретка одна. Остальное надо покупать.

– Да? Я думала, ты обо всём позаботишься.

– Ну! – Я уже начал удивляться подобным реакциям. – Не всё сразу, надо с чего-то начинать. Моей зарплаты сразу на всё не хватит.

– Нет, я не могу поверить! – Занервничала Света. – Я всегда думала, что моя жизнь будет как в сказке! У моей подруги парень на джипе ездит! Я не могу жить без центра и ванны!

– Единственная квартира в центре и с ванной, где я могу жить, – безразличным голосом сказал я, – это квартира родителей, где живут ещё Вика и Макс. Причём, Макс в комнате со мной. Ты хочешь там жить?

Мысленно я был готов ко всему. Это всё мне надоело.

– Ну... Нет... – Света вдруг резко встала. – Я пойду, я тебе позвоню, пока!

Я ошалело смотрел по сторонам. Хотя кто говорил, что будет легко?

Несколько дней Светка не звонила. За это время я перевез свои вещи в эту квартиру. Я, конечно, не блондинка, поэто-

му понял сразу, что надо брать. Квартира мне понравилась – она была просторная, удобно расположенная. Я сам протер все поверхности тряпкой с каким-то дезинфицирующим веществом жёлтого цвета, расставил кое-какую мебель, постелил ковры (мама выделила).

Я не знал, что и думать, но звонить Свете самому посчитал унижительным. В тот день, когда Светка позвонила на мобильник и сказала, что она сейчас приедет, что ее нужно встретить на остановке, был вечер пятницы, я уже предвкушал, что выключу верхний свет, включу тихую музыку, достану из заначки бутылочку пивасика и буду балдеть. Но не тут-то было.

Я встретил ее, взял сумку, и мы пошли к моему дому. По пути я выяснил, что у Светки дома произошла какая-то ссора, при которой она заявила, что она взрослый человек и способна сама себя обеспечить и жить отдельно. Она доказала, что что-то может, покидала в сумку какие-то вещи, хлопнула дверью и ушла. Я не скал высказываться.

– А где здесь наше окно? – Спросила Света, когда мы подходили к дому. – Это? А что за белое пятно под ним?

– Не знаю, может, слово неприличное написали и закрасили, – ответил я.

– И что мы так и будем жить с неприличным словом? – спросила она, но вроде бы с юмором и более дружелюбным тоном, чем в сквере «У птичек».

Я промолчал.

С тех пор прошло несколько недель. Две или три, точно не помню. Многое произошло за это время. Настроение Светки менялось кардинально. То она радовалась, то огорчалась и озлоблялась. Но одну вещь она делала с завидным постоянством: не хотела заниматься хозяйственными делами. Я демонстративно разбрасывал свои носки, как сеятель на пашне, в магазин ходил сам, готовил сам и, кроме минимума, денег Светке не давал.

В парк мы не ходили, романтических вечеров не устраивали, и брать мороженое мне ну совсем не хотелось. Я регулярно выговаривал ей, что хочу кушать, а она всё время отвечала, что она учится и ей некогда. Зато к нам часто заходили её подруги, пили чай с рулетами, о чем-то болтали и смотрели журналы. Я думал, что лучше бы они все пошли на кухню и приготовили что-нибудь или просто выкатились отсюда к чертям собачьим, но ничего не говорил.

Один раз к нам пришла её мама (от своей я упорно скрывал наши бытовые проблемы). Мама осмотрела место действия и начала мне высказывать:

– Саша! Ты что? Что ты раскидал? Иди и постирай, как тебе не стыдно! Что ты набросился? Иди свари себе пельмени.

Я молчал. Именно этим я и занимался последние недели, но ничего не сказал. С некоторыми мамами спорить бесполезно. Света в это время стояла посреди комнаты с воинственным выражением лица и скрещенными на груди рука-

ми.

– Ты что? Как ты не понимаешь? Она не успевает! Светочка же учится!

– Да, цыганский университет имени Воровского, факультет карманной тяги, – сказал я и сжал зубы.

Я уже не выдерживал. Мне в голову уже тогда закралась мысль, что я, возможно, ошибся, но тогда я ее отбросил. После моей фразы об университете мама начала снова высказываться. Света начала громко говорить что-то насчет своего ВУЗа. Я не вникал в смысл. Мне вообще хотелось уйти куда-нибудь. Когда же они обе неожиданно замолчали, в тишине мой мобильник произнес гнусавым голосом: «Какой-то вонючий пуэрториканец пытается до тебя дозвониться». Этот рингтон стоял на звонке моего друга Феликса. В свое время он долго допытывался у своей мамы, почему она решила его так назвать, но она молчала, как Зоя Космодемьянская. Я взял трубку:

– Да, – безрадостным голосом произнёс я.

– Любовь пасёшь чи чужой несёшь? – Бодро вопрошал Феликс.

Пока я соображал, что ответить, он сказал:

– Ты, говорят, подженился? Пойдем выпьем, поговорим!

– Да, я выхожу, – быстро согласился я, думая о том, как хорошо иметь настоящего друга.

– Мне с работы позвонили, – пояснил я вытаращившим глаза женщинам, на ходу хватая куртку.

Я действительно боялся, что меня будут удерживать. Вернулся я в тот день около одиннадцати. Света была дома, но со мной не разговаривала. Не знаю, что они тут с мамой делали, но ничего приготовлено не было, а носки так и валялись. Но это были мелочи. Нечто гораздо худшее ожидало меня впереди.

Буквально через день я ехал в маршрутке к себе домой, я думал о том, как решить главную проблему моей жизни. Я думал о Светке, о том, что мне уже не хочется с ней разговаривать, убеждать ее, что по сути надо гнать ее в три шеи, хотя ничего плохого она мне не сделала. Я не мог представить дальнейшей жизни с ней. С другой стороны, я думал, что, может, всё наладится: когда-то же она закончит учиться. Как-то же я смог встречаться с ней так долго. Что-то мне в ней нравилось.

Я вышел из транспорта. Недавно прошел дождь. Я вдохнул свежий аромат влажной листвы, лип, тополей, запах чего-то медового, нежного и неуловимо майского. Напахнуло дымком. Пробивались листочки на деревьях. В противоположную от меня сторону пошла куда-то черно-белая пузатая кошка, мягко ступая по траве.

Запах поздней весны или раннего лета. Запах мира, гармонии. Благодать. Запах новой, нарождающейся жизни. Наверное, в такие моменты хотелось сказать: «Остановись мгновение, ты прекрасно!» [5]. Небо прояснилось, день клонился к закату, лёгкая зыбь белых перистых облачков на го-

лубом фоне, плавно переходящем в сиреневый, будто окутали меня всего.

Я зашёл в подъезд, достал ключ, открыл дверь – всё, как обычно. Вошёл в прихожую, там, как всегда, свет был выключен, я потянулся к выключателю, ногой наткнулся на полу на что-то мягкое. Света оставила пакет в коридоре? В это время она должна уже быть дома. И вообще, чем это разит, канализацию что ли прорвало? Я включил свет и не поверил своим глазам.

На полу лежал труп. Я даже пнул его, пока не знал, что это. Это был труп женщины, какой-то котихи. Возле головы лужа крови – череп проломлен. Рядом валялось, похоже, орудие убийства – кувалда. Это моя кувалда! Я вчера забивал штырь в стену в коридоре. Чёрт меня дёрнул её не убрать! Я развернулся и вышел во двор. Запер дверь на всякий случай. Воздух уже казался каким-то не таким. Я вызвал полицию и стал ждать.

Она приехала довольно быстро. Нормальные ребята – сразу всё поняли. В тот день я всё время с кем-то был – на работе и после – я чисто физически не мог убить эту женщину. Да и зачем мне какая-то котиха. Они осмотрели комнату – ничего не пропало. Хотя версия ограбления оставалась. Взяли кувалду. Вскоре забрали и труп. Расспрашивали про Свету. Я не понимал, куда она подевалась. Я звонил ей домой и нескольким её подругам – она как сквозь землю провалилась.

- Лиз, привет, ты дома, можно я к тебе сейчас приеду.
- Да, Свет, заходи.
- Лиз, никому не говори, что я приду, ладно?
- Ну ладно, а что, что-то случилось?
- Потом расскажу.

Заодно я позвонил и Феликсу. Он приехал сразу. Я всё ему рассказал. Он ни минуты не сомневался, что я не виновен. Имя и фамилия моего друга – Феликс Страусов. Но он при этом нормальный парень. Мы с ним вспомнили, что как раз сегодня финал чемпионата мира по хоккею. Естественно, Россия – Канада. «Смотри хоккей, и будет всё о'кей», – сообщил Феликс. В общем, об этом инциденте мы как-то позабыли.

- Лиз, ты представляешь, я в шоке, я захожу домой, а там в коридоре труп лежит.
- Чей?
- Откуда я знаю. Я сразу к тебе, ты меня не выдавай, ладно?
- Это ты убила что ли?
- Лизка, ты дура что ли? Я думаю, это Саша убил. Боюсь, что он будет меня искать.
- Почему Саша?
- А кто же?

– Ну! Пусть полиция выясняет, кто.

– Я боюсь, вдруг меня приплетут, им лишь бы засадить.

Это из-за Сашки всё – снял какую-то конуру чёрт знает где.

– Ну, ты вообще-то за него замуж собралась.

– Но я не ожидала, что так будет. И главное, приказывает мне, что делать, иди, говорит, еду готовь.

– Ну, я не знаю, зря ты, правда, Сашке не позвонила сразу.

– А чего я буду звонить, вдруг он маньяк?

– Ну ты же его знаешь.

– Знаешь! Я думала – он всё будет делать для меня. Я же учусь! Ладно! Я тогда пока вообще выходить не буду никуда.

– А как же родители? Им будешь сообщать? Они будут волноваться.

– Нет. Не получится.

Однако прошло несколько дней, а Света не объявлялась. Я начал волноваться. Выходило так, будто она совершила непреднамеренное убийство и скрылась. Иначе, почему она исчезла? Я звонил всем её подругам, и у меня возникло подозрение, что кто-то из них скрывает Свету у себя.

Я хотел поговорить об этом с Феликсом. В эти дни он приезжал ко мне с работы и уезжал утром на работу от меня, в общем, переселился ко мне. У меня была раскладушка, и Феликс терпеливо сносил её особенности, пока я спал на диване.

Меня вызывали в милицию несколько раз. Я давал свиде-

тельские показания. Отпечатки пальцев на кувалде принадлежали не мне. Да и алиби у меня было, а мотива никакого не было.

– Свет, может, маме позвонить?

– Нет, Лиза.

– Ну, если никто из вас не виновен – чего прятаться?

– Я боюсь. Никто не виновен! А вдруг...

– Ты поговори с Сашкой.

– Да ну. Вдруг его посадят.

– Да ну тебя! Ты что приговор читала? Обвиняешь зря.

Как дело-то было?

– Какая разница. Впутал меня в это. Не знаю, что делать.

Меня спрашивали, что я могу сказать про Свету. Я ничего не мог сказать. Её мама плакала и винила меня во всём. Даже в том, что эта квартира моего братца – якобы как булгаковская «нехорошая квартира», раз там случаются всякие вещи и появляются бомжи. Нам с Феликсом всё это надоело. Мы решили последить за несколькими Светкиными подругами, так как меня не покидало чувство, что она где-то здесь. Устраивать засаду в институте было гиблым делом.

– Свет, по-моему, я видела Сашку возле моего дома.

– Ну и что? Слышать про него ничего не хочу! Я же говорила, ещё искать меня будет.

– Волнуется, наверное.

– Ага...

– Дура ты, Светка. Вот всё у тебя есть, а тебе всё не то.

– Ну да, конечно! Где всё-то?

– Жилплощадь отдельная. Хороший человек. Жила бы и радовалась.

– Ой, не смейся меня, Лизка.

Однако слезка ничего не дала. Больницы и морги мы сразу обзвонили. Я уже как-то так привык жить один и в этой квартире. Но одиночества и пустоты не чувствовал. Феликс уехал.

Тем временем произошло и хорошее событие. Преступление было раскрыто. Впрочем, ничего сложного в нём не было с самого начала. Стали проверять круг общения убитой – Медведевой Раисы Ивановны. Её близкий знакомый – Конюхов Степан Петрович, тоже бомж, сразу попал под подозрение.

Тем более, он во всем сознался, когда ему сказали, что есть неопровержимые доказательства – его отпечатки пальцев на орудии убийства. Он показал, что они вдвоем решили ограбить нашу квартиру. На это их подтолкнул тот факт, что Света уронила ключи возле дома и не заметила этого. В общем, ключ от квартиры, где деньги лежат, оказался у них.

А мне Света даже ничего не сказала. Они сделали ключи себе, старые подбросили Свете на другой день, а остальное

было делом техники, как они думали. Но здесь не повезло. Когда они только вошли в прихожую, дверь кто-то стал открывать снаружи. Потом звуки прекратились, человек ушёл. Это, наверное, Света заходила, но что-то вспомнила и ушла.

Как раз после этого между подельниками разгорелся спор – уходить или нет. Тогда Конюхов в состоянии аффекта, как он сообщил, ударил Медведеву по голове тем, что под руку подвернулось.

«Эти бабы вечно всё испортят», – прокомментировал он. Раиса Ивановна настаивала на том, чтобы довершить начатое – за это и поплатилась. Как сообщил Конюхов, он сделал всё правильно – когда он покинул место преступления, девушка, потерявшая ключи, попала ему навстречу. Он думал, что Медведева жива, но она скончалась. Этого Конюхов не ожидал.

Но тогда Света должна была вернуться и увидеть труп. Значит, она знала о нём. И никому не сказала. Я не понимал ничего.

Когда всё уже улеглось, и я сообщил всем, кто знал об этом, чем дело кончилось, я вдруг неожиданно встретил Свету. Я уже и думать о ней забыл, а её вещи давно перевёз её маме. Но мы столкнулись на аллее в сквере – шли прямо друг на друга. У неё был какой-то уставший и грустный вид.

– Ты где была? – Спросил я, почему-то ничуть не удивившись.

– Я с убийцами не разговариваю, – отрезала она.

– Чего? – Вот тут я уже удивился.

– Это же ты убил ту бабу, кто же ещё? – Заявила она, глядя куда-то вниз и в сторону.

– С чего бы? – Усмехнулся я. – я с тем же успехом могу сказать, что это ты убила и скрылась.

– Да что ты!

Такая мысль явно не приходила ей в голову. Мне надое-ло разговаривать. Я даже не стал объяснять, что она глупо поступила. Даже не по отношению ко мне, а к себе и своим родителям.

– Вообще я человек слова, – сказал я, намереваясь закончить всё это, – но в данном случае слово придётся забрать. Не хочу больше ничего знать о тебе.

Я даже не стал говорить ничего про потерю ключа, про то, что она знала про труп и про то, что в трудные времена близким людям надо держаться вместе. Я просто пошёл дальше по аллее сквера. День был солнечный, тёплый, и мне было удивительно хорошо.

Однако на другой день утром я встал с каким-то стран-ным ощущением: сердце покалывало и побаливало. Я дол-го думал, почему это происходит, пытался проанализиро-вать свои ощущения, но на ум приходило только случивше-ся с Булгаковским Берлиозом перед встречей с Воландом, как «сердце его стукнуло и на мгновенье куда-то провали-лось, потом вернулось, но с тупой иглой, засевшей в нем» [6].
Страх, как Берлиоза, меня пока не охватил, но был и поти-

хоньку нарастал. Я кое-как отработал, а потом, сев на транспорт, вышел раньше своей остановки и направился в парк.

Я сел на корточки рядом с речкой, старался придвинуться поближе, и рассказал всё воде. Конечно, ничего ужасного со мной не произошло, бывает и хуже, и намного, но я решил избавиться от всего этого. Вода может хранить и передавать информацию, это известно. Я сидел на берегу, а течение уносило мои слова всё дальше и дальше. Мне стало легче. С хорошим чувством я встал и пошёл домой. Я улыбался. Мне навстречу попала симпатичная девушка, и я решил заговорить с ней.

Марена

Олеша Захаров шагал по Крамской. Он о чём-то упорно думал, поэтому совсем не глядел перед собой. Он был угрюм, озлоблен, что-то явно недавно произошло с ним. И это что-то занимало все его мысли.

Он шёл по тихим улочкам окраинного района небольшого города, сворачивая с одной на другую без всякой логики. Крамскую сменил Валдайский переулок, его – Строкинская улица, Ермолинская... Его остановил бы только тупик или чистое поле, но одинаковые улицы всё продолжались, ответвлялись и размножались.

Внезапно Олеша, это имя будто приклеилось к молодому парню, остановился как вкопанный. Он огляделся вокруг и постепенно вернулся с небес на землю. Перед ним было всё, чего ему сейчас не хватало: телеграфный столб, а за ним деревенский луг с ромашками и какими-то другими цветами – синенькими и жёлтенькими, за которым начинался лес. Его взгляд от неожиданности упёрся прямо в столб, к которому была приклеена какая-то белая бумажка. Олеша подошёл вплотную, постоял около столба несколько минут, затем развернулся, и пошёл в каком-то известном ему одном направлении.

Тьфу ты чёрт! Я забыл ключ. Так по-дурацки могло произойти только со мной: поехать на дачу и забыть ключи от

неё. В последнее время со мной вообще всё по-дурацки. Хотя... Начать нужно с того, что меня, двадцатилетнего мужчину все называют Олешей. Хотя я – Олег Васильевич Захаров, аспирант и работник ВУЗа.

Хотя какое там! Олеша, принеси учебники из библиотеки, Олеша, сдайте мой ключ и сходите в другой корпус, предупредите студентов о переносе зачёта (надо же – на «вы»!), Олеша, ну это очень хороший результат предзащиты – пропустить диссертацию с доработкой.

Чтоб они все провалились! Да что они понимают! С доработкой! Думаете, легко писать диссертацию! Когда половина твоих знакомых считает, что тебе делать нечего, вот ты и исследуешь семантику имени прилагательного в русском и польском языках, а другая половина думает, что ты тупо косишь от армии, а третья половина вообще считает, что ты больше ни на что не способен, кроме бумагомарательства.

Все менеджеры, пенеджеры, а ты, как аспирант – почти что тот же студент – получаешь стипендию, а как лаборант кафедры общего и славянского языкознания – маленькую зарплату. Приходится грузить мясо. И то – спасибо Славику – он звонит, не забывает – один раз двадцать две тонны разгрузили.

Но беда, как известно, не приходит одна. Пока я прыгал выше головы, стараясь подготовить свою диссертацию к предзащите в мае, правил её, распечатывал два экземпляра (триста пятьдесят рублей за каждый, между прочим), как-то

испортились мои отношения с родными. С родителями и с сестрой. Они начали кричать на меня, я – на них. Или наоборот? Не помню.

Сестра говорила, чтобы я отошёл от компьютера – он нужен не только мне. У неё, видите ли, сессия. Родители говорили, что нужно быть собранным и организованным, чтобы на всё хватало времени. Что, несмотря на предзащиту, я должен, обязан ехать на дачу и копать там землю в майские праздники.

А я как раз не успевал внести ряд сносок на источники в свой текст. Я сидел ночами. Но приходила мама и говорила, что надо быть организованным, а не жечь по ночам свет – кто же будет за всё это платить?!

А я, сколько ни старался, всё равно предзащиту не прошёл. Будет ещё одна – в сентябре. Мне никто ничего не сказал, но смотрели красноречиво. А сестра, как мне казалось, даже презрительно.

И я плюнул на это всё и решил с сегодняшнего дня восполнить пробел в землеустройстве и пожить на даче. Взял с собой кое-какие вещи, сел в автобус и поехал, думая о своём. И, конечно, забыл ключи. Какой же я идиот. Тогда я поступил ещё более по-идиотски: просто пошёл по местечковым улицам, куда глаза глядят. Ничего глупее нельзя было придумать!

Ко всему прочему куда-то подевалась Оля. Это моя девушка. Она стойко сносила моё не совсем завидное положение.

ние аспиранта (ещё не кандидата наук) и работника ВУЗа (не преподавателя). Она понимала меня, как мне казалось. Она знала, что я не могу уделить ей много времени, а в мае смогу ещё меньше. Да и с финансами не густо.

Я сказал ей, что некоторое время мы будем общаться по телефону и обмениваться короткими сообщениями. Но сам писал и звонил дня два. Потом где-то неделю не было времени. Потом ещё неделю не было времени.

Потом я звонил ей, а телефон был выключен. Потом он опять был выключен. Потом ее подруга, тоже Оля, сообщила, что моя Оля зачем-то поехала в Турцию с Галькой с восьмого этажа. Потом та же Оля злорадно сообщила, что моя Оля в Турции с кем-то познакомилась, собирается замуж и вообще её жених богат, он из Сургута, увозит ее туда, селит в коттедже, окружает роскошью и осыпает подарками. Планируется, что она уйдет из ВУЗа, с четвертого курса, засядет в коттедже и начнет плодить наследников состояния, поскольку ей не восемнадцать, а уже двадцать два. Она зря потратила столько лет.

Говоря это, та Оля, злорадно улыбалась и посматривала на меня исподлобья. Раньше я ей нравился, ей даже нравилось, что я такой интеллигентный и учёный, она хотела со мной встречаться, но вышло по-другому. И сейчас, видимо, ей доставляло истинную радость сообщить всё это мне.

Я, конечно, сам связался со своей Олей – мало ли что болтают – но всё почти так и оказалось. В общем, я остался один:

без девушки, без родных, без друзей и без своего любимого дела – наука мне немного осточертела после предзащиты. Мне нужно было работать на кафедре, потом приступить к приему документов поступающих на наш факультет, дорабатывать диссертацию, но всего этого мне вообще не хотелось. Я устал.

Да, я поехал на дачу, благополучно забыл ключ и пошел, куда глаза глядят. Зачем – не понимаю. Однако моё внимание привлекло какое-то объявление на столбе. Я всмотрелся в листочек из школьной тетради, на котором было написано старческим почерком: «Сдам отдельный дом на территории своего дома: площадь 10 метров²

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.